

Чжоу Буюй был человеком с крошечным, как у мыши, сердцем и редко позволял себе такие выходки.

Цзин Шо взглянул на голубя, а тот наклонил голову:

— Ку-ку-ку.

Чжоу Буюй отправил людей разобраться с сыном Чэнь Сяньяня, но на месте столкнулся с неожиданной преградой.

Дело о жестоком убийстве Чэнь Сяньяня не было раскрыто, и Чэнь Юйтин, как единственный свидетель и выживший, находился под строгой охраной.

Чэнь Юйтину было всего около трёх лет, и он был ещё слишком мал, чтобы понять происходящее. Внезапная потеря родителей на его глазах довела его до полубезумия.

Иногда он просто сидел, не реагируя на вопросы, а иногда начинал кричать, словно видел призраков.

Во время приступов он повторял одни и те же фразы: то плакал, зовя родителей, то кричал:

— Не убивайте меня!

Лишь однажды, когда чиновник допрашивал его, мальчик произнёс невнятное слово, которое звучало как «генерал Хэ».

Чэнь Юйтин, конечно, не знал генерала Хэ, но Чэнь Сяньянь перед смертью произнёс эти слова.

Чиновник, ведущий дело, был шокирован, так как, судя по описаниям слуг семьи Чэнь, убийца был похож на генерала Хэ Циня.

Теперь, услышав от полубезумного ребёнка слова «генерал Хэ», он испугался ещё больше, словно держал в руках горячую картошку.

Генерал империи был не тем, кого он мог обвинить, поэтому он не мог продолжить расследование в этом направлении.

К тому же он получил намёк из резиденции канцлера, что дело Чэнь Сяньяня нужно быстро закрыть, и неважно, что произошло на самом деле, главное — закончить его.

Слова канцлера, конечно, были словами Великой вдовствующей императрицы.

Поэтому показания Чэнь Юйтина о «генерале Хэ» не успели дойти до верхов, так как их сразу же подавили сторонники Великой вдовствующей императрицы.

Чиновник, словно получив прощение, уже собирался закрыть дело. Но не успел он это сделать, как князь, вернувшийся в столицу, вмешался в процесс.

Князь приказал ему провести тщательное расследование без малейших упущений.

В этот момент показания Чэнь Юйтина о «генерале Хэ» всё ещё были скрыты, и лишь немногие знали о них.

Сторонники Великой вдовствующей императрицы боялись, что расследование может раскрыть грязные дела Чэнь Сяньяня и затронуть других их союзников, поэтому спешили закрыть дело.

Сторонники князя, напротив, изо всех сил пытались раздуть скандал, надеясь с его помощью устранить нескольких влиятельных людей из лагеря Великой вдовствующей императрицы.

Обе стороны боролись за свои интересы, а убийца и выживший сын Чэнь Сяньяня оставались в тени.

Но этой ночью Чэнь Юйтин вдруг стал «лакомым кусочком».

Кроме людей, отправленных Чжоу Буюем, появился ещё один человек.

Он был один, но люди Чжоу Буюя не смогли с ним справиться, и Чэнь Юйтин, уже почти попавший в их руки, был у них отобран.

Глубокой ночью в резиденции генерала.

Хэ Цзюэ, закутанный в лисью шубу, смотрел на ребёнка, который съёжился перед ним. Ворон стоял рядом, его лицо было скрыто маской, и его выражение было неразличимо.

Именно Ворон забрал ребёнка.

Хэ Цзюэ приказал ему это сделать.

Не то чтобы Хэ Цзюэ обладал даром предвидения и отправил Ворона забрать ребёнка у людей Цзин И. Он сделал это по приказу Цзин Шо.

Цзин Шо, казалось бы, был как орёл с подрезанными крыльями, запертый в глубинах дворца, но на самом деле он расставил свои фигуры как внутри, так и за его пределами.

Двор был его шахматной доской.

Ночной ветер был холодным, и Хэ Цзюэ, несмотря на шубу, ощущал холод в руках. Он подул на них, чтобы согреть.

Ворон, увидев это, снял свой плащ и накинул его поверх шубы Хэ Цзюэ.

Хэ Цзюэ усмехнулся: кто же надевает плащ поверх шубы?

Ребёнок, дрожа, смотрел на них.

Ворон был в маске, и мальчик его не узнавал. Хэ Цзюэ он тоже никогда не видел. К тому же ребёнок был полубезумен, и, по словам Хэ Цзюэ, в нём не было никакой пользы.

Но Цзин Шо сказал, что сейчас ребёнок бесполезен, но придёт время, и он станет нужен. Поэтому его нужно спрятать.

Хэ Цзюэ вздохнул:

— Раз уж забрали, оставьте его здесь. Ты будешь приносить ему еду, только следи, чтобы никто не заметил.

Сказав это, он зевнул и уже собирался уйти, но вдруг вспомнил что-то и обернулся:

— И чтобы он не кричал. Если однажды я услышу его вопли, я разрежу его на куски и сделаю из него пельмени.

Ворон:

— Ты злишься?

Хэ Цзюэ улыбнулся.

Удивительно, как он понял, что я злюсь, даже не сказав ни слова. Обычно он начинает соображать только тогда, когда я уже в ярости.

Хэ Цзюэ:

— Я злюсь. Что ты собираешься делать?

Ворон отступил на шаг и встал на одно колено, протянув Хэ Цзюэ свой меч.

Его намерение было очевидно: ты можешь убить меня или ударить, пока не успокоишься.

Чэнь Юйтин был тем, кого он отпустил, и хотя пока это не привело к серьёзным последствиям, он нарушил приказ Хэ Цзюэ.

Хэ Цзюэ не взял меч. Его руки давно уже не держали оружия.

Слишком слабый, он не мог использовать его.

Хэ Цзюэ рассмеялся:

— Если ты однажды умрёшь, то только от собственной глупости.

Ворон: ...

Хэ Цзюэ присел перед ним:

— Ты действительно не хочешь убивать невинных?

Ворон:

— Он ещё ребёнок.

Хэ Цзюэ:

— А если выбор будет между мной и ним, кого ты выберешь?

Ворон:

— Тебя.

Без малейшего колебания, чётко и ясно.

Он сказал: я выберу тебя.

Хэ Цзюэ был удовлетворён и встал:

— Хорошо, я больше не злюсь, вставай.

Он уже собирался уйти, но вдруг почувствовал, как кто-то дёрнул его за плащ. Обернувшись, он увидел, что это Чэнь Юйтин схватил его.

Он боялся.

Чэнь Юйтин боялся, что если этот человек уйдёт, ему придётся остаться с тем, кто в чёрном и с маской.

Он не узнал Ворона в маске. Его инстинкты, как у животного, заставляли его бояться его.

Хэ Цзюэ сначала удивился, а затем с холодным выражением лица отдернул плащ:

— Я не хороший человек, держись от меня подальше.

Чэнь Юйтин: ...

Чэнь Юйтин был напуган. Он смотрел на Хэ Цзюэ, а затем на Ворона.

Сапоги Ворона мелькнули в его памяти, и он вдруг вспомнил, как вылез из-под кровати и увидел окровавленные тела родителей. Внезапно он начал кричать, его голос был пронзительным и жутким.

Звук был настолько резким, словно открыл врата ада.

Хэ Цзюэ, испугавшись, отшатнулся, а Ворон мгновенно ударил Чэнь Юйтина по затылку, и ребёнок потерял сознание.

Ворон не испытывал к этому ребёнку никакой жалости или симпатии. Тогда он не стал убивать его, только потому что это был ребёнок.

Как он и сказал, если бы пришлось выбирать между ребёнком и Хэ Цзюэ, он без колебаний выбрал бы Хэ Цзюэ.

Хэ Цзюэ был бледен. Его здоровье и так было слабым, а теперь после испуга он едва мог дышать.

Ворон тут же достал из кармана пузырёк с лекарством, дал Хэ Цзюэ две таблетки и помог ему их проглотить.

Хэ Цзюэ долго не мог успокоиться, и Ворон взял его на руки, положил на ближайшую кровать и, используя свою внутреннюю энергию, помог ему восстановить дыхание. Только тогда Хэ Цзюэ пришёл в себя.

Ворон не позволил ему снова встать и, убедившись, что он в порядке, снова взял его на руки и вышел из комнаты.

Хэ Цзюэ, лежа у него на руках, казался задумчивым.

Быть напуганным до потери сознания ребёнком — это было крайне унижительно.

Неудивительно, что титул генерала достался его старшему брату. Что он сам мог сделать в таком состоянии?

Но он не мог смириться.

Если бы он действительно случайно упал в воду холодной ночью и стал таким слабым, возможно, он бы удовлетворился жизнью простого второго сына в резиденции генерала.

Но это было не так.

Его толкнули в воду, и у него отобрали титул генерала.

Он не мог натянуть лук или поднять меч, а его брат, сидя на коне, завоёвывал славу на поле боя.

Хэ Цзюэ слегка кашлянул, и чем хуже он себя чувствовал, тем глубже становилась его горечь.

<http://bllate.org/book/16211/1455608>